

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ЭРУДИТ ГВИДО ПАНЦИРОЛИ И ЕГО КАТАЛОГ ПРАВОВЕДОВ

Среди первых средневековых энциклопедических текстов светского характера важнейшее место занимали, по-видимому, юридические справочники. Изучение и толкование законов в практических целях и в университетских аудиториях требовало обобщений и систематизации. Поэтому соответствующие сборники появились достаточно рано. Они весьма многочисленны и известны в рукописях, и в старинных изданиях под наименованиями «lexicon», «vocabularium», «margarita» и др. В эпоху Возрождения появляются компендиумы иного плана. Их составители пытаются собрать информацию о выдающихся личностях-юристах, проводя линию преемственности от античности до своего времени. Систематическое изучение таких произведений, родственных нынешним биобиблиографическим словарям, насколько нам известно, пока не выполнялось. Между тем, они содержат богатейшие сведения по истории правовой мысли и могут существенно изменить представление об основных этапах ее развития.

Одним из таких памятников является хранящийся в библиотеке Одесского Национального университета трактат Гвидо Панцироло, или Гвидо Панцироли (Panziroli Guido, 1523–1599) «Четыре книги о славных толкователях законов»¹ (ил. 1). Трактат был издан усилиями племянника автора, Октавия Панцироли, и был посвящен им могущественному родственнику, Иоанну Иакову Панцироли, аудитору палаты Романа Рота в Ватикане. В обращении Октавий высказывает убеждение в том, что весьма достойным являются плоды трудов тех людей, которые прикладывают усилия, дабы извлечь из забвения имена, стертые из людской памяти и «возвращают их к жизни». Ведь до тех пор, пока к ним обращаются, потомство не забывает их, а славные деяния посвящаются бессмертию. И это, по его мнению, тем более важно, что из деяний замечательных мужей «на любой случай жизни мы можем извлечь величайшую пользу», поскольку они, хотя и давно умершие, «подталкивают души вялых и погруженных в ленивый сон к изучению истинного и к прочной славе»². Движимый такими побуждениями, Октавий

решил издать собранные его дядей, Гвидо, записи о деяниях выдающихся толкователей законов.

Гвидо Панцироли родился в Реджо 17 апреля 1523. Его отцом был Альберто Панцироли, известный у себя на родине юрисконсульт. В четырнадцатилетнем возрасте Гвидо приступил к изучению латыни и греческого. Первые начатки правовых знаний он получил от отца. Затем он учился в университетах Феррары, Тичино, Болоньи, Падуи. В Ферраре Гвидо слушал блистательного Андреа Альциата (Alciatus Andrea, 1492–1550). Возможно, под влиянием Альциата Гвидо увлекся историей права. Творчество Альциата завершало предшествующую традицию толкования права и закладывало фундамент исторического подхода в правоведческих науках. Считается, что его нововведения открыли новую эпоху в европейском правоведении³. В Падуе Гвидо Панцироли участвовал в публичных диспутах, а в 1547 г., когда он составил себе имя как ученый, его пригласили толковать для Венецианской республики «Институции» Юстиниана. Получив звание лауреата от падуанского юрисконсульта Марко Мантуа, Гвидо в течение семи лет пребывал в должности юрисконсульта. Затем, приглашенный в качестве ординарного профессора читать вечерние лекции по гражданскому праву, он преподавал шестнадцать лет. Многолетние труды и активно посещающая аудитория принесли ему широкую известность. В Падуанском университете Гвидо прославился как юрист и историк. Герцог Савойский пригласил его в университет Турина, где он проработал в течение 12 лет. Однако в связи с ухудшением здоровья он вновь вернулся в Падую, где и завершились его дни. По сведениям Октавия, Гвидо оставил обширное творческое наследие. Среди его работ Октавий перечисляет вышеупомянутый труд о знаменитых толкователях законов, трактаты о должностях обоих Римских империй и о происхождении и власти юрисконсультов, а также труды о происхождении и власти рыцарей, о древности права, о новом прочтении законов, об античных нумизматах, комментариев на все произведения Тертуллиана, две книги об утраченных вещах, «из которых первая сообщает о том, что было в античности и чего сейчас не существует», а вторая — «о том, что в наше время нашлось»⁴. Позднейший составитель биобиблиографического словаря правоведов, прямо или опосредовано на-

ходившийся под сильным влиянием Гвидо, француз П. Тезан, дает уже гораздо менее пространный перечень его работ:

De claris legum interpretibus libri quatuor, 1655;

Notitia dignitatum utriusque imperii Orientis scilicet et Occidentis ultra Arcadij Honorique tempora. Geneva, Stephanus Gamonetus, 1623;

Rerum memorabilium sive deperditarum ;

De Magistratibus Municipalibus;

*Thesaurus variarum lectionum*⁵.

Из этого списка в библиотеке ОНУ имеются две первые работы. Другие произведения, по-видимому, существуют в рукописях или весьма редких изданиях, поскольку даже у Тезана нет сведений о годе или месте их публикации. В любом случае, на первом месте стоит трактат о «знаменитых толкователях законов», который и Октавиом Панцироли, и П. Тезаном оценивался особенно высоко. Итак, перейдем к содержанию этого трактата.

Панцироли предваряет свою работу изысканным ренессансным рассуждением «об основаниях того, для чего выполнен весь этот труд». Поскольку, пишет падуанский профессор, долго жить нам не дано, с древнейших времен людям нравилось сохранять в этом мире и запоминать имена смертных. По этой причине в Дельфах, а затем в Риме и в других местах запечатлены образы сильнейших мужей и замечательнейших женщин, воздвигнуты колонны, триумфальные арки и многое в этом роде с великолепными надписями. Однако же сделанное в металле и мраморе гибнет. Поэтому, считает Панцироли, никакой вещью лучше, чем литературными памятниками, которые часто описываются и ежедневно обновляются, не распространяется слава выдающихся людей. И те, кто себя сами своей эрудицией сделали заметными, ни в каком Фидии, Поликлете или писателе не нуждаются до тех пор, пока свои труды и ночные бдения передают потомкам. Они воздвигли себе бессмертные статуи. Так, Марк Туллий Цицерон воздвиг себе памятник, поскольку учеными писаниями совершил нечто значительное для всего мира.

Среди прочих, полагает Панцироли, имена правоведов до тех пор, пока их труды освещают скрытый смысл законов, а также объясняют сокровенные сентенции древних разумных мужей,

увенчиваются великой славой, а те, кто оставил ученийшие комментарии и другие работы, будут жить, говоря сквозь многие века. Однако, поскольку многие из них не позаботились, чтобы их учения были переданы или записаны для последующих поколений, они рискуют не дойти до потомков. Впрочем, сетует Гвидо, немало хотя и бережно сохранявшегося некоторое время пропало по разным причинам. И поскольку Панцироли видит, что имена профессоров канонического и гражданского права медленно уносятся неизвестностью, он решил извлечь многие из них из темноты и вновь сделать известными людям. При этом он отчетливо осознает трудность своей задачи. «Я знаю, — пишет падуанский правовед, — что не смогу представить их живые лица, что у меня нет подходящей кисти, нет благородных красок, что черты лица не совсем искусно смогу я передать, однако я дам себе труд естественными цветами по мере сил правдиво их описать»⁶.

Панцироли предлагает читателю также свою оценку трудов предшественников, которые уже брались за выполнение подобной задачи. Он указывает прежде всего на Бальдо Убальди (Baldus de Ubaldis, 1327–1400), который вместе со своим учителем Бартоло являлся самым видным представителем перуджской (Бартоловой) правоведческой школы⁷. «Это, однако, прежде и другие пытались, сделать, — пишет Панцироли, — и среди них был Бальдо Убальди, знаменитейший толкователь законов, который по примеру Варрона, Транквилла, Иеронима и иных составил книгу о знаменитых докторях». Но по какой-то причине книга Бальдо исчезла уже во времена Гвидо⁸. Действительно, среди трудов Бальдо, дошедших до нашего времени и достаточно полно представленных как в библиотеке ОНУ, так и во многих других хранилищах, этот труд отсутствует. Вслед за Бальдо, по словам Панцироли, попытку подобного рода предпринимали гораздо менее известные юристы. Он упоминает некоего Иоанна Баттиста С. Блазио Патавинуса (Joannes Baptista a S. Blasio Patavinus) с его каталогом и жизнеописаниями правоведов, а также немца Иоанна Фикардуса Франкфуртского (Joannes Ficardus Francofurtuensis). Относительно последнего Бальдо замечает, что, поскольку «германский человек не может так уж хорошо знать итальянские дела» и авторов, из чьих трудов следует извлекать сведения, то «некоторых он

только косвенным образом обрисовал, а... многих просто упустил». Наконец, сообщает Гвидо, в «новейшее время» многих в свою книжечку включил М. Мантуа Бонавидиус (M. Mantua Bonavidius), имея в виду, вероятно, упоминавшегося выше падуанского юрисконсульта Марко Мантуа. Но Мантуа Бонавидиус удовольствовался лишь тем, что объявил их имена и перечислил дарования, тогда как «нравы и деяния объяснить не удосужился» или же пожелал, как кажется Панцироли, сделать их знакомыми только в лицо («velut ex facie tantum notos facere voluisse videtur»)⁹.

Поэтому, вооружившись многочисленными правовыми комментариями, проштудировав анналы и свидетельства ученых мужей, Панцироли вознамерился восстановить, все, какие мог, дарования, нравы и биографии, чтобы, отправляясь от этого и приложив все усилия, словно «изысканными красками выразить отдельные части правильной картины». Труд этот представлялся ему весьма тяжелым и едва ли не безнадежным, так как надлежало оценить бесчисленных авторов и раскопать сведения о деяниях тех, «чьи имена мы едва помним». Подытоживая свои усилия, падуанский правовед образно описывает логику последующего изложения: «И хотя я смог осуществить долгие, тщательные разыскания, дабы иметь все сведения, о многих все же никакой не осталось памяти, а от иных сохраняются лишь неполные имена. Итак, я буду подражать географам, которые представляют точными сведениями известные регионы, описывая же отдаленные и неизвестные места, едва прочерчивают горы и леса. Так и я младших, о которых более полно удалось узнать, более целостно представляю, старинных же, о которых хоть какие-нибудь сведения до нас едва дошли, обрисую в общих чертах, а иных, оставшихся во тьме веков, достаточно будет просто назвать»¹⁰.

Далее Панцироли сообщает о своем методе отбора сведений. Он собирается восстановить биографии не всех, но только знаменитых юристов, сообщив об их родине, роде, делах, дарованиях, времени и местах, где они преподавали, или умерли; он также задумал объяснить их творчество, используя все, даже эпитафии, которые остались или заслуживают известности. Описывая жизнь юристов, Панцироли намеревался говорить, прежде всего, о деяниях, которые каким-либо образом, как он

считал, принесут читателю либо пользу, либо удовольствие. Однако, дабы не быть надоедливym и не затягивать изложение бесполезно длинным описанием, некоторые вещи Панцироли нашел необходимым сократить. При этом он подчеркивает, что старался опираться на заслуживающие доверия источники. Впрочем, он снабдил свой труд маргиналиями, для того, чтобы читатель при желании мог все проверить: «И чтобы кому-нибудь не показалось, что я выдумываю что-либо, не ссылаясь на верного автора, все, что буду упоминать, обозначил я на полях. А то, что никак для некоторых не подкреплено достоверными данными, я взял либо из рукописных анналов, либо от мужей, достойных доверия»¹¹.

Наличествуя в его труде и вполне удовлетворительная систематизация материала. Как известно, право в те времена в самом общем смысле распадалось на каноническое и светское, и Панцироли решил по возможности учесть это деление, применив к тому же своеобразный «проблемно-хронологический принцип»: «Поскольку каноническое право весьма немало от гражданского отличается, профессоров каждого из них я счел разумным отделить друг от друга, в особенности потому, что раздельное чтение будет понятнее. А так как гражданское право древнее канонического (хотя оно и менее достойно), его профессоров, или же ведущих знатоков, решил я поставить первыми. По этой причине так их расположив, чтобы не смешать следование веков, я соблюдал порядок, при котором то, что древнее, всегда предшествовало бы тому, что моложе»¹².

При этом падуанский профессор оговаривается, что не желает, чтобы кто-нибудь на него сердился за то, что он будет рассказывать и о некоторых менее значительных и благородных (здесь он имеет в виду, конечно же, ренессансное понимание благородства) авторах. В этом он подражает М. Туллию Цицерону, который, собираясь рассказать о наилучшем способе произносить речи, отдельных греческих и латинских ораторов, произносивших речи или писавших до него, выстроил в таком порядке, что среди них вперемешку поместил и некоторых малоизвестных, которые, однако, за что-либо были достойны похвалы. «Так из тех, которых я да не упущу и которые могли бы быть полезны людям, — пишет Панцироли, — многие, державшие в Академиях говорить, не вполне бесполезны, и я по-

желал о них рассказать»¹³. Панцироли также сообщает, что, с другой стороны, о многих славных правоведах (*Iurisperitis*) он не нашел сведений и поэтому их в свой труд не включил.

Начиная свой рассказ «о правоведах и их власти», Панцироли описывает сначала старинных, затем восходит к докторам своего времени, которые, по его мнению, заняли в обществе их место. Пытаясь уяснить истоки явления, Панцироли обращается к Законам XII Таблиц и трудам римского правоведа Помпония, из которых, по его мнению явствует, что, поскольку в древности некоторые тяжущиеся не могли определить права для всякого дела, а здравый смысл в их тяжбах сильно варьировал, то было желательно толкование «благоразумных», властью которых должны были успокаиваться споры. Тех, которые обладали подобными знаниями, посещали на дому, чтобы их ответами разрешать сомнительные дела. Многие консулы, как и «сегодня в обычае», советовали дома; они также часто приходили на Форум, чтобы по пути давать ответы по праву, о чем сообщает Цицерон. Среди прочих Панцироли вспоминает П. Сципиона Назику (*P. Sèipio Nasica*), который в свое время был признан Сенатом лучшим из такого рода знатоков и которому также публично был передан дом на Священной дороге, дабы он легче мог давать советы.

«Подобным образом, — пишет падуанский профессор, — сегодня так же многие муниципальные правительства назначают докторов права, которые могут при помощи мудрых советов разъяснять дела»¹⁴.

Далее, соглашаясь в данном случае с Помпонием, который в трактате обильно цитируется, Панцироли сообщает, что ответы «благоразумных», которые соблюдались народом, становились обычаем, а из обычая приобретали силу закона и стали называться гражданским правом. Впоследствии все было отредактировано в письменном виде. Юстиниан, замечает Панцироли, называл это право средней юриспруденцией, поскольку оно занимает среднее место между Законами XII Таблиц и императорскими указами, иногда же он называет его старинной или античной изощренностью (*subtilitatem*)¹⁵.

Панцироли показывает, что оно действовало наряду с Законами XII Таблиц, отменяя их лишь частично. Прежде всего это касалось таких вопросов, как, например, наследование

умершим лицами как мужского, так и женского пола, в какой бы степени родства они ни находились с умершим. Впоследствии эти вопросы были усовершенствованы в законодательстве Юстиниана. Его же властью были введены т. н. кодициллии, ранее неизвестные формы завещания, а также многое другое. Таким образом, констатирует Панцироли, не только в частных, но и в публичных делах о многом заботились. Конечно, он не связывает эти изменения с вопросом о развитии и оформлении римской частной собственности, однако этот кардинальный момент обозначен им вполне отчетливо. Особое место в начальной части труда падуанского профессора занимает раздел об античных адвокатах и толкователях законов. Изучение их выполняется на фоне исследования римских государственных и судебных институтов, что, несомненно, дает образец достаточно фундированного для своего времени исторического подхода. Информация о выдающихся личностях-юристах вплоть позднего средневековья предлагается в последующих разделах. Здесь принцип изложения скорее эрудитский, уровень систематизации незначителен и попыток изучения итальянских или иноземных учреждений почти нет. В то же время уникальные биографические сведения, факты из области политической, экономической и культурной и других, разбросанные в многочисленных очерках, делают книгу Панцироли замечательным произведением. Отметим, в частности, краткое описание важнейших европейских юридических «академий» и их состояния на момент написания книги, помещенные падуанским профессором в самом ее конце¹⁶. Описаны, по-видимому, все известные ему центры, в т. ч. испанские, польские, шотландские. Примечательно, что Гвидо начинает с французских (*Galliae*), а не итальянских центров, признавая, что в его время именно к Франции перешла пальма первенства в области правовых наук. При этом в перечне академий содержатся даты их основания, а иногда и имена основателей или же «реставраторов».

Таким образом, трактат Панцироли о «знаменитых толкователях законов» содержит не только краткие очерки о жизни и творчестве юристов, но действительно предлагает некую целостную картину развития правовой мысли Западной Европы от античности до позднего средневековья. Его изучение в сопоставлении с другими текстами близкого типа даст возможность

более ясно судить о происхождении и источниках европейского права, об истории судебных учреждений Западной Европы и становлении системы изучения римского и европейского права, о первых попытках систематизации права в Западной Европе, о кругозоре и сфере интересов университетских преподавателей. Наконец, этот труд заложил определенную традицию, т. к. его результатами пользовались в XVII–XVIII вв.

Литература

1. *Panziroli G. Guidi Panziroli Regiensis I. U. C. Praestantissimi et in celeberrimo Patavino Gimnasio Juris Interpretis Primarii. De claris legum interpretibus libri quatuor. Octavii Panziroli auctoris ex fratre nepotiss opera ac summa diligentia in Lucem editi* / G. Panziroli. — Venetiis, 1655.
2. *Panziroli G. Op. cit.* — P. 3.
3. *Viollet P. Histoire du droit civil français* / P. Viollet. — Paris, 1905. — P. 28–29.
4. *Panziroli G. Op. cit.* — P. 3.
5. *Taisand P. Les vies des plus célèbres jurisconsultes de toutes les nations, tant anciens que modernes* / P. Taisand. — Paris: au Palais chez Pierre Huet, 1721. — P. 409.
6. *Panziroli G. Op. cit.* — P. 3.
7. См. о Бальдо: *Savigny F. C. von. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter.* — Bd. 7. — Hdlb., 1850. — S. 208–248.
8. *Panziroli G. Op. cit.* — P. 3.
9. *Ibidem.*
10. *Ibidem.*
11. *Ibidem.*
12. *Ibidem.*
13. *Ibidem.*
14. *Ibid.* — P. 4.
15. *Ibidem.*
16. *Ibid.* — P. 505–508.

135 625
**G V I D I
PANZIROLI**

Regienfis I.V.C.Præſtantiſſimi,

*ET IN CELEBERRIMO PATAVINO GYMNASIO
Juris Interpretis Primarij.*

DE CLARIS LEGVM INTERPRETIBVS.

LIBRI QVATVOR.

OCTAVII PANZIROLI AVCTORIS

*Ex fratre nepotis Opera, ac ſumma diligentia
in Lucem Editi.*

*CVM DVPLICI INDICE, VNO CAPITVM,
Altero rerum præcipuarum copioſiſſimo.*

EDITIO SECVNDA.

SVPERIORVM PERMIſſV, ET PRIVILEGIIS.

V E N E T I I S, M. DC. LV.

Sumptibus Sebast. Combi, & Ioan. La Nou.

Ил. 1. Гвидо Панцироли. Четыре книги о славных толкователях законов (Венеция, 1655)